

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРОИЗВОЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

© 2002 г. В. И. Моросанова

Доктор психол. наук, профессор, зав. лабораторией ПИ РАО, Москва

Рассматривается проблема индивидуальных особенностей регуляции произвольной активности человека в контексте субъектно-деятельностного подхода. Впервые обобщены результаты эмпирических исследований индивидуальных особенностей саморегуляции в связи с выраженностью экстраверсии и нейротизма, со структурой мотивационно-потребностной сферы и спецификой личностных защит. Показано, что индивидуальная система саморегуляции выполняет интегральную роль, связывая динамические и содержательные, осознанные и бессознательные структуры личностной сферы субъекта, каждая из которых рассматривается с точки зрения функциональной роли в целостном процессе саморегуляции произвольной активности человека.

Ключевые слова: субъект и личность, индивидуальные особенности саморегуляции, стиль саморегуляции, экстраверсия, нейротизм, мотивационные тенденции, личностные защиты.

Цель данной статьи – раскрыть личностные аспекты психической саморегуляции на основе обобщения результатов многолетних исследований личностной детерминации индивидуальной саморегуляции произвольной активности человека, выполненных автором и его коллегами в лаборатории психологии саморегуляции ПИ РАО.

Интерес к проблеме психической саморегуляции возрос за последние годы, о чем свидетельствует тот факт, что к феномену и понятию саморегуляции обращаются в своих исследованиях представители самых разных психологических дисциплин [3, 5, 6, 10, 13–15, 17, 29, 31, 34 и др.]. Особую роль в становлении современных представлений о саморегуляции сыграл системный подход, в рамках которого подчеркивается необходимость ее изучения как процесса, имеющего многоуровневую детерминацию [16].

Методологическими основаниями нашего исследования является субъектный подход к исследованию психики человека (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, А.В. Петровский и др.) и представления о функциональной структуре системы осознанной саморегуляции произвольной активности человека (О.А. Конопкин), а также авторская концепция индивидуального стиля саморегуляции (В.И. Моросанова).

Мы предполагали, что индивидуальная система саморегуляции, с одной стороны, интегрирует личностные переменные различного уровня, связывая инструментальное и содержательное, осознанное и малоосознаваемое в личностной сфере. С другой стороны, индивидуальная саморегуля-

ция опосредствует влияние на деятельность личностных переменных, которые выполняют разные функциональные роли в целостном процессе регуляции произвольной активности человека. Результаты наших исследований регуляторных аспектов экстраверсии и нейротизма (по Айзенку), мотивационных тенденций (по Эдвардсу), а также регуляторной специфики личностных защит мы приводим для обоснования этих гипотез.

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ

Актуальность исследования личностных аспектов саморегуляции связана с развитием субъектного или субъектно-деятельностного подхода, когда в психологию вернулось понимание, что деятельность и активность человека не могут быть бессубъектными и безличностными. Основными характеристиками субъектной активности являются: ее творческий характер, способность изменять окружающий мир (активность) и, что особенно важно в контексте данной статьи, способность к самостоятельности, саморегуляции и самоорганизации (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский и др.) [29].

Следует отметить, что вопрос, как соотносятся понятия “субъект” и “личность”, в чем специфика обозначаемой ими реальности, до сих пор остается дискуссионным. В литературе нет единого мнения по поводу того, является ли личность зоной развития субъектности или субъект – это высший этап личностного развития [1, 2]. При анализе взглядов С.Л. Рубинштейна, как правило, подчеркивается, что в его работах трудно найти

критерии различения феноменов субъекта и личности: часто он пишет о личности, субъекте и человеке рядоположно. На наш взгляд, это свидетельствует не о синонимичности этих понятий, а о том, что человек – это всегда и субъект, и личность. Если понятие субъекта раскрывает его активное созидательное начало, способность к достижению субъектно принятых целей, специфически человеческие способы существования в форме сознания и деятельности, то, говоря о человеке как личности, мы подчеркиваем его индивидуальные способы существования в смысле индивидуально своеобразного проявления сознания и деятельности, индивидуальной системы саморегуляции. Права, на наш взгляд, К.А. Абульханова, интерпретируя раннего С.Л. Рубинштейна: "...личность – это постольку личность, поскольку она как субъект способна выработать способ связи своих потребностей и способностей на основе характера и, более того, поскольку она может удовлетворить собственные потребности своими силами в соответствии со своим характером" [1, с. 16]. Она же утверждает, что сегодня мы можем говорить о принципе единства личности, сознания и деятельности, а А.В. Брушлинский пишет о личности как субъекте деятельности и сознания [4].

В нашем контексте это означает, что общие закономерности саморегуляции достижения цели соотносимы с понятием субъекта деятельности и сознания. А когда мы обращаемся к личности как субъекту деятельности и сознания, необходимо развивать представления об индивидуальных особенностях саморегуляции в их взаимосвязи с личностно-характерологическими особенностями человека и различными личностными структурами самосознания и бессознательного.

Развитие научных представлений о саморегуляции в отечественной психологии шло таким образом: первоначально принцип единства сознания и деятельности толковался в том смысле, что человек как субъект реализуется в форме "действия", т.е. различных видов активности (практическая деятельность, общение, познание, поведение и т.д.), которые регулируются "сознанием" (см. [1]). Представления о форме такой регуляции складывались в 60–70-е годы, с одной стороны, под влиянием кибернетических и физиологических моделей управления в контексте информационного подхода, популярного в период становления инженерной психологии (у разных авторов – акцептор действия, функциональные системы, контуры регуляции, схема "Т–О–Т–Е" и т.д.) [20]. А с другой – в контексте деятельностного подхода с его увлечением структурным анализом деятельности (психологическая структура деятельности, системный анализ деятельности, единицы анализа деятельности и т.д.) [6, 33]. Такое выделение двух сторон единого процесса психической активности человека в форме двух специфических спо-

собов его существования послужило методологической предпосылкой и предопределило развитие психологических представлений о возможности относительно независимого выделения процессов – активности и ее регуляции – на каждом из уровней организации психики. В русле структурного подхода к изучению деятельности были созданы структурно-функциональные модели регуляции и деятельности [8, 11, 28, 33 и др.]. На их основе рассматривались общие закономерности регуляции деятельности, сначала применительно к сенсомоторному реагированию, затем на моделях и в условиях операторской, а также некоторых других видов профессиональной деятельности. Наиболее полно исследования такого рода проводились в 80-х годах в научной школе О.А. Конопкиной, который создал структурно-функциональную модель осознанного саморегулирования деятельности человека [11]. Им и его учениками по результатам изучения саморегуляции широкого круга профессиональной и учебной деятельности в 90-х годах была развита концепция осознанного саморегулирования произвольной активности человека, в которой обобщены данные исследований саморегуляции осознаваемой активности субъекта в достижении поставленных целей в разных видах деятельности. Ядром этой концепции является представление о целостной системе осознанной саморегуляции произвольной активности, позволяющей реализоваться субъектной целостности; понимание того, что при содержательном анализе субъектных характеристик внимание уделяется той или иной осознаваемой целенаправленной активности, которая имеет определенный личностный смысл и относительно которой человек выступает как ее инициатор и творец [12].

Еще одно теоретическое основание исследования личностных аспектов саморегуляции – это концепция стиля саморегуляции личности, разрабатываемая нами по мере накопления данных об индивидуальных особенностях саморегуляции [17–20]. Необходимость ее создания диктовалась результатами изучения саморегуляции в ходе решения научно-практических задач по оказанию психологической помощи спортсменам и политикам, при исследовании учебной деятельности школьников и студентов. Занятия психологической практикой особенно ясно показывают, что на проявление творческой, самостоятельной и других субъектных системных свойств, опосредствующих достижение профессиональных и учебных целей, прежде всего оказывают влияние личностные особенности, характерологический склад человека, его самосознание, направленность, осознаваемые в различной мере побудители деятельности. И в то же время применяемые на практике методы личностной диагностики и составляемые на их основе личностные характеристики малоэффективны: они не даютinstrу-

ментальной информации о том, как особенности личности реализуются в индивидуальных особенностях саморегуляции, которые определяют ее поведение в профессиональной или учебной ситуации, в какой степени и какими средствами конкретная личность будет добиваться достижения поставленной цели. Именно благодаря психологической практике и эмпирическим исследованиям у нас сформировалась гипотеза, а затем и убеждение, что личностные особенности влияют на деятельность не непосредственно, а через сложившиеся индивидуальные способы саморегуляции активности.

Осознанную саморегуляцию мы понимаем вслед за О.А. Конопкиным как системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых им целей [21].

Представления об индивидуальных и стилевых особенностях саморегуляции, концепция стиля саморегуляции произвольной активности человека разработаны нами для изучения типичных для него индивидуальных способов регулирования, устойчиво проявляющихся в различных деятельностных ситуациях и видах психической активности и системно характеризующих стиль саморегуляции (В.И. Моросанова, 1988–2001). В индивидуальных особенностях саморегуляции находит отражение то, как человек планирует и программирует достижение цели, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает и корректирует свою активность для получения субъективно приемлемых результатов [18].

Основная задача настоящей статьи – обобщить данные эмпирических исследований взаимосвязи особенностей личности с индивидуальными особенностями саморегуляции ее произвольной активности*. Они обосновывают и развивают основную идею, изложенную нами в этом разделе. Она заключается в том, что понятия “субъект” и “личность” обозначают, с нашей точки зрения, различные проявления индивидуальности человека, которые, взаимодействуя, формируют внутренний мир и поведение, причем субъектные переменные – со стороны регуляции достижения целей субъектной активности, а личностные – со стороны содержания целей активности, придания индивидуального своеобразия особенностям их достижения. Итак, личностные структуры различного уровня оказывают существенное влияние на то, *какие* цели и *как* ставит перед собой человек, а также модулируют специфическим образом индивидуальный профиль саморегуляции, т.е. особенности достижения этих целей. А сте-

пень и своеобразие субъектной активности, проявляющейся в таких субъектных качествах, как творчество, автономность, настойчивость и др., определяют способность преодолевать субъективные и объективные трудности достижения жизненных целей и, в свою очередь, через регуляторный опыт влияют на формирование личностных качеств, например, таких, как самостоятельность и ответственность.

Следует сказать, что изучение индивидуальных особенностей саморегуляции привело к созданию иных, чем при анализе общих закономерностей саморегуляции деятельности, эмпирических методов исследования. На первый план выступило создание и использование многошкальных опросных методик диагностики саморегуляции, позволяющих определять не только индивидуальную развитость отдельных регуляторных процессов, но и индивидуальные профили саморегуляции, сопоставимые с результатами обследований с помощью личностных вопросников, а также квазиэкспериментальные методы исследования.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Изучение саморегуляции потребовало уточнения и развития структурно-функциональной ее модели, предложенной О.А. Конопкиным. В первую очередь это коснулось функции целеполагания и соответствующего ей звена цели. Это звено хотя и присутствует в описаниях самой модели, но при анализе общих закономерностей саморегуляции деятельности все внимание исследователей направляется именно на закономерности достижения уже принятых субъектом целей. В наших исследованиях личностных аспектов саморегуляции невозможно игнорировать многообразие индивидуальных различий процесса выдвижения и принятия субъектом цели деятельности или поведения, так как при изучении любой личностной типологии просматриваются существенные различия именно в этом регуляторном звене (вспомним хотя бы тщательно планирующих свою деятельность шизоидов или интровертов и склонных к необоснованным фантазиям истероидов, поверхностных в планировании целей поведения экстравертов или гипертимов). Поэтому во всех наших исследованиях мы описываем (наряду с традиционными для модели регуляции по О.А. Конопкину регуляторными процессами) индивидуальные особенности осознанного планирования целей поведения с точки зрения его развитости, реалистичности, действительности, иерархичности этапных целей и др.

Для изучения индивидуальной саморегуляции нами был создан ряд опросных многошкальных методик (см. [23, 25–27]). В описанных ниже исследованиях основным инструментом диагности-

* Исследования ведутся при многолетней поддержке РГНФ (проекты № 98-06-08148а и 01-0600209а).

ки индивидуальных профилей саморегуляции являлся последний вариант опросника В.И. Моросановой "Стилевые особенности саморегуляции поведения – ССП-98". Он содержит 46 утверждений, входящих в состав шести шкал: планирования целей (Пл), моделирования значимых условий их достижения (М), программирования действий (Пр), оценивания и коррекции результатов (Ор), гибкости (Г), самостоятельности (С). Методика дает возможность выявлять структуру индивидуальных особенностей саморегуляции на основе шести показателей, соответствующих шкалам опросника и в совокупности характеризующих индивидуальный профиль саморегуляции. Кроме того, в целом опросник работает как единая шкала "Общий уровень саморегуляции" (ОУ), который отражает степень развитости индивидуальной саморегуляции [23].

Ниже представлены в обобщенной форме данные исследований функциональной регуляторной роли ряда личностных конструктов. При их выборе мы исходили из того, что они относятся к принципиально различным уровням организации личностной сферы – от темперамента и характера до мотивационно-потребностной сферы, от осознаваемой активности до личностных защит, имеющих свои корни в бессознательной активности. Мы надеялись, что такая разноуровневость исследуемых переменных позволит выявить не только разные уровни регуляции и их подчинения, но и специфику функциональной роли, вклад в регуляцию разноплановых личностных структур, даст возможность аргументировать интегративную роль индивидуальной саморегуляции. Немаловажное значение при выборе исследуемых переменных имело и наличие надежного методического инструментария для их диагностики.

Среди исследуемых личностных конструктов центральное место в нашем проекте занимали основные личностные диспозиции – экстраверсия и нейротизм (по Г.Ю. Айзенку), представление о которых мы стремились расширить с точки зрения типичных структур индивидуальных особенностей саморегуляции. Проведено также исследование влияния структур потребностно-мотивационной сферы на индивидуальные особенности саморегуляции целедостижения. Сделаны первые шаги в исследовании роли когнитивных стилей в формировании индивидуальной структуры саморегуляции. Выполнено поисковое исследование взаимодействия осознанных и неосознаваемых способов саморегуляции, раскрывающего специфику проявлений личностных защит при различной развитости и структуре индивидуальной осознанной саморегуляции. Рассмотрим основные, наиболее значимые, на наш взгляд, итоги этих исследований.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПРИ ЭКСТРАВЕРСИИ И НЕЙРОТИЗМЕ

Можно по-разному относиться к факторной теории личности Г.Ю. Айзенка, но трудно отрицать, что экстраверсия и нейротизм входят в число наиболее разработанных и эмпирически исследованных в мировой психологии личностных конструктов, описывающих реально существующие, во многом генетически обусловленные индивидуальные психологические различия. Ранее мы проанализировали существующие в литературе данные о проявлениях экстраверсии и нейротизма в поведении человека [24]. В контексте данной статьи важно отметить следующее. В отечественной психологии бытует мнение, что факториальные теории личности противостоят субъектно-деятельностному подходу. На наш взгляд, следует говорить не о противостоянии подходов, а о разных аспектах изучения психики человека. И наша работа доказывает, что возможно продуктивное исследование экстраверсии и нейротизма – базальных психологических конструктов личностной сферы человека – с точки зрения того, какой отпечаток они накладывают на его субъектную активность, в частности на стиливые особенности ее регуляции. Ранее мы высказали гипотезу (и проверили ее на материале личностных акцентуаций характера) о том, что структура индивидуальных особенностей саморегуляции детерминирована личностным типом человека и опосредствует его влияние на особенности поведения и деятельности. По существу, речь идет о том, что индивидуальная система саморегуляции опосредствует влияние сложившихся личностных структур. И более того, в процессе достижения новых для субъекта целей может происходить формирование таких особенностей саморегуляции, которые способствуют развитию новообразований – личностных свойств (например, самостоятельности [20]).

Цель наших исследований экстраверсии и нейротизма заключалась в развитии традиционных психологических представлений об этих личностных диспозициях с точки зрения устойчивых способов самоорганизации произвольной активности, типичной структуры саморегуляции при экстраверсии и нейротизме (по Г.Ю. Айзенку).

Эмпирическое исследование проводилось на выборке, состоящей из 850 чел. (учащиеся в возрасте 16–18 лет), с помощью опросных методик: "Модифицированного личностного опросника Айзенка" [30] и описанного выше опросника "ССП-98". Связь экстраверсии и нейротизма с различными сторонами регуляции изучалась методами факторного, корреляционного, дисперсионного и кластерного анализа, что подробно описано в работах [23, 24]. Последовательно был

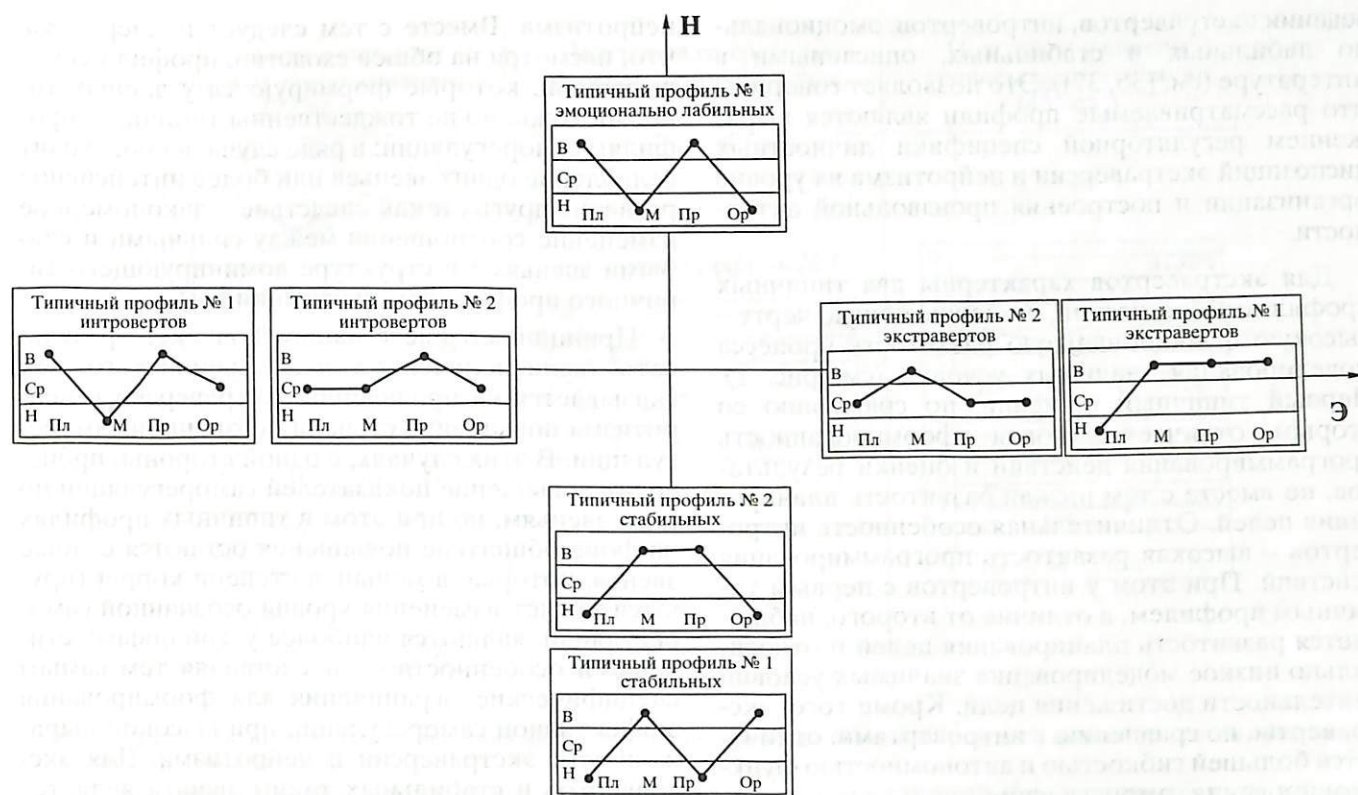


Рис. 1. Типичные профили саморегуляции при экстраверсии и нейротизме. Пл – звено планирования целей деятельности, М – моделирования значимых условий, Пр – программирования действий, Ор – оценки и коррекции результатов; В – зона высокой функциональной развитости звена саморегуляции, Ср – средней, Н – низкой.

проведен анализ общей выборки испытуемых (803 чел.), а также крайних по степени выраженности экстраверсии и нейротизма, или экстремальных групп экстравертов (181 чел.) и интровертов (176 чел.), эмоционально лабильных (145 чел.) и стабильных испытуемых (168 чел.). Сопоставлялись подгруппы с высокой, средней и низкой сформированностью осознанной саморегуляции, на которые была разделена по показателю общего уровня саморегуляции каждая из экстремальных групп экстравертов, интровертов, эмоционально лабильных и стабильных.

В результате было установлено, что тип личностной диспозиции взаимосвязан со спецификой структуры индивидуальных особенностей саморегуляции. Экстраверты и интроверты, эмоционально лабильные и стабильные характеризуются различными комплексами индивидуально-типических, стилевых особенностей регуляторных процессов планирования целей деятельности, моделирования значимых условий, программирования действий, оценки и коррекции результатов, определяющих специфику типичных профилей саморегуляции.

Напомним [20, 24], что функциональная развитость планирования (Пл) в профиле саморегуляции характеризует индивидуальные особенности

целеполагания с точки зрения осознанности и автономности процесса выдвижения целей активности, их действенности, реалистичности, устойчивости, детализированности. Моделирование (М) позволяет определять развитость представлений о системе внешне и внутренне значимых для достижения цели условий, степень их осознанности, детализированности и адекватности. Функциональная роль процессов программирования (Пр) заключается в осознанном построении субъектом способов и последовательности своих действий для достижения субъектно принятых целей. Развитость программирования свидетельствует о сформировавшейся у человека потребности продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, о развернутости и устойчивости разрабатываемых программ. Развитость процессов оценивания результатов (Ор) – это адекватность, автономность оценки испытуемым себя и результатов своей деятельности и поведения, устойчивость субъективных критериев оценки успешности достижения результатов.

Было выявлено семь типов профилей регуляции (рис. 1), которые качественно отличались по характеру и выраженности пиков в структуре саморегуляции. При этом специфика профилей хорошо соотносится с данными о деятельности и по-

ведении экстравертов, интровертов, эмоционально лабильных и стабильных, описанными в литературе (см. [36, 37]). Это позволяет говорить, что рассматриваемые профили являются выражением регуляторной специфики личностных диспозиций экстраверсии и нейротизма на уровне организации и построения произвольной активности.

Для экстравертов характерны два типичных профиля саморегуляции, имеющие общую черту – высокую функциональную развитость процесса моделирования значимых условий (см. рис. 1). Первый типичный профиль, по сравнению со вторым, отличается высокая сформированность программирования действий и оценки результатов, но вместе с тем низкая развитость планирования целей. Отличительная особенность интровертов – высокая развитость программирования действий. При этом у интровертов с первым типичным профилем, в отличие от второго, наблюдается развитость планирования целей и относительно низкое моделирование значимых условий деятельности достижения цели. Кроме того, экстраверты, по сравнению с интровертами, отличаются большей гибкостью и автономностью функционирования саморегуляции.

Профили саморегуляции, характеризующие эмоционально лабильных и стабильных, противоположны по сильным (высокоразвитым) и слабым (низкоразвитым) сторонам структуры саморегуляции (см. рис. 1). Лица с выраженным нейротизмом демонстрируют высокую функциональную развитость процессов планирования и программирования и низкую – моделирования значимых условий и оценки результатов, в то время как сильными сторонами регуляции стабильных являются моделирование и оценка результатов, а менее развитыми – планирование и программирование. Кроме того, у стабильных была выделена вторая типичная структура регуляции, в которой низкое планирование и высокое моделирование сочетались теперь уже с высоким программированием, но низкой оценкой результатов. Помимо этого у эмоционально лабильных, по сравнению со стабильными, отмечаются более низкие значения по шкале гибкости, что сказывается на недостаточной пластичности функционирования каждого из регуляторных процессов и системы саморегуляции в целом.

Как показали результаты нашего исследования, выявленные профили – это достаточно устойчивые характеристики экстраверсии и нейротизма, которые прослеживаются также в подгруппах стабильных и лабильных экстравертов, стабильных и лабильных интровертов даже несмотря на то, что структура регуляции таких испытуемых есть результат одновременного, совместного воздействия факторов экстраверсии и

нейротизма. Вместе с тем следует подчеркнуть, что, несмотря на общее сходство, профили саморегуляции, которые формируются у данных типов, похожи, но не тождественны типичным профилям саморегуляции: в ряде случаев происходит ослабление одних звеньев или более интенсивное развитие других и как следствие – закономерное изменение соотношения между сильными и слабыми звеньями в структуре доминирующего типичного профиля саморегуляции [24].

Принципиальные в нашем контексте результаты были получены при выяснении того, как сказывается на проявлении экстраверсии и нейротизма повышение степени осознанной саморегуляции. В этих случаях, с одной стороны, происходит повышение показателей саморегуляции по всем звеньям, но при этом в типичных профилях на фоне общего ее повышения остаются слабые звенья, которые в меньшей степени корректируются за счет изменения уровня осознанной саморегуляции, являются наиболее устойчивыми стилевыми особенностями, представляя тем самым специфические ограничения для формирования эффективной саморегуляции при высокой выраженности экстраверсии и нейротизма. Для экстравертов и стабильных таким звеном является планирование, для интровертов – моделирование, а у эмоционально лабильных – это звено оценки результатов. Кроме того, как показали результаты нашего исследования, измерение нейротизма, в отличие от измерения экстраверсии, обнаруживает значимую корреляционную связь с общим уровнем сформированности системы осознанной саморегуляции. В целом, для эмоционально лабильных (в том числе эмоционально лабильных экстравертов и интровертов), по сравнению со стабильными, характерен более низкий общий уровень осознанной саморегуляции как следствие присущей им эмоциональной нестабильности. Но и они за счет повышения осознанной саморегуляции способны формировать систему саморегуляции, отличающуюся высокой развитостью и взаимосвязанностью функционирования ее целостного контура, высокой сформированностью регуляторно-личностных свойств [24].

С другой стороны, и среди сильных (более развитых) звеньев в типичных профилях саморегуляции существуют такие, которые наиболее устойчивы к снижению уровня осознанной саморегуляции. У лиц с высоким нейротизмом звенья планирования и программирования в равной степени могут сохранять функциональную развитость даже при низком уровне осознанной саморегуляции. Для интровертов данным звеном в большей степени является программирование, а у экстравертов и стабильных – моделирование значимых условий. На рис. 2 приведены регуляторные профили при изменении степени осознанной саморегуляции у интровертов.

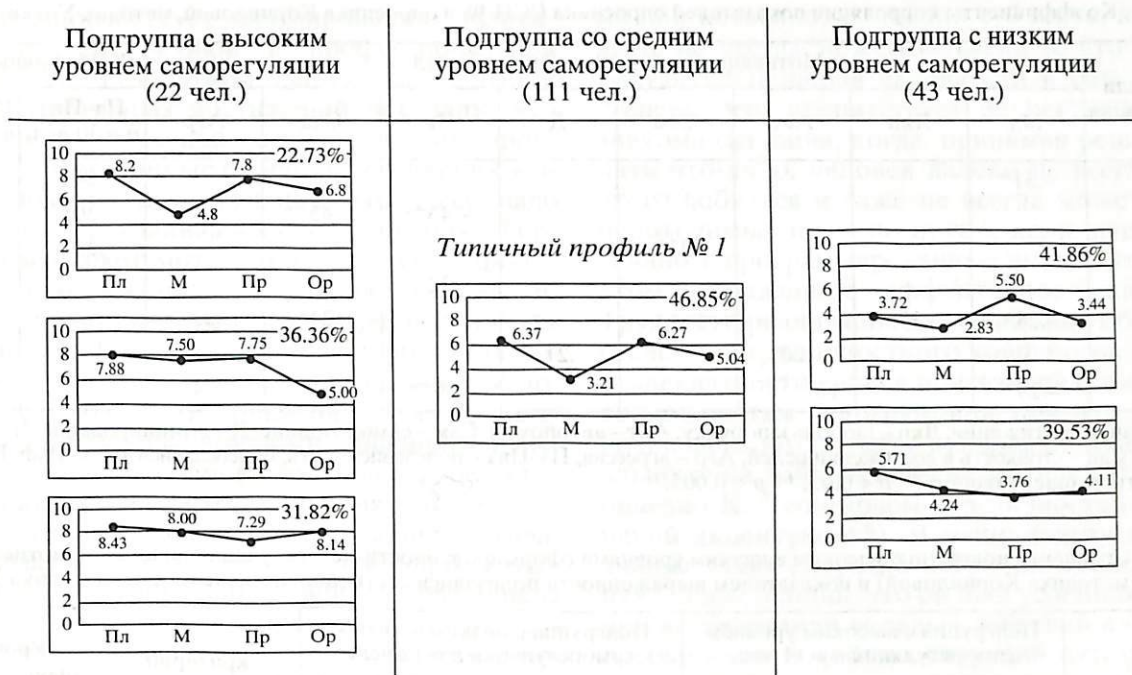


Рис. 2. Типичные профили саморегуляции интровертов в подгруппах с высоким, средним и низким уровнями сформированности саморегуляции.

Пл – звено планирования целей деятельности, М – моделирования значимых условий, Пр – программирования действий, Ор – оценки и коррекции результатов.

Полученные результаты имеют, по нашему мнению, достаточно принципиальное значение. Они хорошо соотносятся, но в то же время систематизируют и развивают имеющиеся в литературе данные об особенностях поведения при различной выраженности экстраверсии и нейротизма с точки зрения стилевых особенностей саморегуляции. Наши исследования экстраверсии и нейротизма еще раз подтвердили, что специфика характера человека определяет слабые и сильные стороны индивидуального регуляторного профиля при низкой и средней степени индивидуальной саморегуляции. Существенно, что при развитии высокого осознанного уровня саморегуляции происходит в известной степени нивелирование влияния характера и темперамента на индивидуальный профиль, может формироваться гармоничный стиль саморегуляции с высоким развитием всех сторон регуляции. Предстоит ответить на вопрос, имеющий кардинальное методологическое значение: за счет чего происходит коррекция слабых сторон регуляции? Этот феномен описан в отечественной психологии так: “с возрастом личность снимает характер”. Но наши исследования показывают, что возраст – возможное, но недостаточное условие. Таким условием может быть и обучение, и изменение побудительной мотивации.

Этот сложный вопрос требует специального теоретического и эмпирического исследования. Нами только начата такая работа, и здесь умест-

но привести результаты первого этапа исследования взаимовлияния мотивационных тенденций и особенностей осознанной саморегуляции достижения цели.

МОТИВАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Исследователи могут спорить о содержании понятий мотива и мотивации, мотивационных интенциях и потребностях, о побудительной и смысловой функциях мотивов, но сам факт регуляторной роли мотивационно-потребностных личностных структур не нуждается в специальных доказательствах. Важнейшая задача в этой области, на наш взгляд, заключается в том, чтобы от констатации регулирующей роли мотивации и потребностей перейти к исследованию функций и места различных мотивационных структур в целостной системе саморегуляции деятельности и поведения человека. Ее решение наталкивается на целый ряд методических и методологических трудностей. Здесь мы приводим результаты одного из первых в этой области исследований, основная задача которого заключалась в проверке гипотезы о том, что степень или индивидуальный уровень, а также развитость отдельных функций целостной системы саморегуляции зависят от

Таблица 1. Коэффициенты корреляции показателей опросника ССП-98 и опросника Корниловой, методик Уиткина, Кагана

Показатели саморегуляции	Мотивационные тенденции $n = 71$ чел.								Когнитивные стили	
	Мд	Лкп	Авт	Сам	Д	Чв	Сдц	Агр	Пз-Пнз $n = 50$ чел.	Имп-Рефл $n = 128$ чел.
Пл	-.31*								.34*	
М						-.43**	.45**		.30*	
Пр				.23*					.38*	
Ор						-.22				-.16
Г	-.24*	-.27*					.24*	.23		
С			.20		.21					
ОУ	-.29*					-.35**	.31*	.24*	.35*	

Мд – мотивация достижения, Лкп – любовь к порядку, Авт – автономия, Сам – самопознание, Д – доминирование, Чв – чувство виновенности, Сдц – стойкость в достижении целей, Агр – агрессия; Пз-Пнз – полезависимость, полenezависимость, Имп-Рефл – импульсивность, рефлексивность; * $p < 0.05$; ** $p < 0.005$.

Таблица 2. Сравнение подгрупп с высоким и низким уровнями сформированности саморегуляции по шкалам мотивационных тенденций (методика Корниловой) и показателем выраженности полезависимости-полenezависимости (методика Уиткина)

Шкала	Подгруппа с высоким уровнем саморегуляции $n = 11$ чел.		Подгруппа с низким уровнем саморегуляции $n = 12$ чел.		t -критерий	Уровень значимости (p)
	Me	б	Me	б		
Мд	6.18	1.54	8.00	2.13	2.32	<0.05
Чв	4.55	2.38	7.92	2.19	3.53	<0.005
Сдц	8.00	2.10	5.25	2.22	3.05	<0.01
Сам	8.36	1.86	6.58	2.94	1.72	$= 0.1$
Агр	9.73	2.97	7.33	2.62	2.03	$= 0.0547$
Пз-Пнз	14.7	2.496	11.33	2.94	2.45	<0.05

Мд – мотивация достижения, Чв – чувство виновенности, Сдц – стойкость в достижении целей, Сам – самопознание, Агр – агрессия; Пз-Пнз – шкала полезависимости-полenezависимости; ОУ – общий уровень сформированности саморегуляции.

особенностей мотивационно-потребностной сферы человека.

Эмпирическое исследование проводилось на юношеской выборке 16–19 лет (71 чел.). Изучали характер взаимодействия переменных мотивационно-потребностной и когнитивной сфер с индивидуальными особенностями осознанной саморегуляции человека. Для этого мы использовали: опросник ССП-98 [23]; адаптированный Т.В. Корниловой “Список личностных предпочтений” А. Эдвардса [13] – на выявление мотивационных тенденций личности; методику “Импульсивность-рефлексивность” Дж. Кагана, MMFT (Matching Familiar Figures Test); методику А. Уиткина, EFT (Embedded Figures Test) – на определение когнитивного стиля “полезависимость-полenezависимость”.

Выбор нами методики Т.В. Корниловой обусловлен тем, что она диагностирует количественные показатели, характеризующие потенциально осознаваемые пласты в мотивационно-потребностной сфере личности. Важным для нас явилось и то, что показатели методики не только характеризуют динамическую сторону мотивации, но и

могут рассматриваться со стороны предпочитаемых личностью способов действий и отношений с окружающим миром [13].

Подтвердилась наша гипотеза о том, что уровень индивидуальной саморегуляции и развитость отдельных регуляторных функций взаимосвязаны с особенностями мотивационно-потребностной сферы.

Существуют мотивационные тенденции, позитивно влияющие на развитость осознанной саморегуляции при высокой интеграции всех компонентов регуляторной системы. Индивидуальный уровень осознанной саморегуляции положительно связан с тенденциями стойко стремиться к поставленным целям (Сдц), с агрессивностью (А), а доминирование (Д) и автономность (Авт) – с развитостью регуляторной самостоятельности (см. табл. 1, 2).

Отрицательно связан с общим уровнем саморегуляции показатель мотивации достижения (Мд). На первый взгляд, этот результат кажется парадоксальным, так как в литературе имеются данные о том, что высокий уровень мотивации до-

стижения способствует формированию эффективных стилей учебной и профессиональной деятельности. Результаты наших исследований высших спортивных достижений показали, что при высокой мотивации достижения чаще формируются гармоничные профили регуляции с высоким уровнем саморегуляции. Но здесь надо иметь в виду, что данная шкала в опроснике Корниловой измеряет мотивационную тенденцию к достижениям в социальной сфере, направленность на внешний результат, потребность быть лучше других. В классическом же понимании мотивация достижения выражает тенденцию к достижению субъектно принятой цели. Разницу между этими мотивационными тенденциями мы наблюдали у спортсменов-стрелков высшей квалификации, когда благотворно влияла на регуляцию достижения успеха в соревнованиях мотивация *показать максимально возможный для себя результат* и отрицательно влияла, разрушала регуляцию выполнения соревновательного упражнения мотивация *во что бы то ни стало победить соперников*. Ценно то, что наше исследование показывает механизмы такого отрицательного влияния, которое происходит в основном из-за нарушения процессов адекватного планирования целей и регуляторной гибкости (см. табл. 1, 2).

Отрицательно связана с общим уровнем саморегуляции также мотивационная тенденция, обозначаемая как склонность к чувству вины (Чв в табл. 1, 2). Этот результат согласуется с представлениями о том, что иррациональные, негативные эмоции ухудшают способность управлять своими действиями, контролировать себя. Механизм влияния на общий уровень саморегуляции здесь иной — из-за нарушения процессов оценивания результатов действий (возможно, при изменении критичности) и моделирования значимых условий достижения (снижения адекватности этого процесса) (см. табл. 1, 2).

В каком-то смысле углубляют представления о взаимосвязи автономности с развитостью индивидуальной саморегуляции данные о том, что полнезависимость как когнитивный стиль положительно связана с высокой общей саморегуляцией, причем взаимодействие прослеживается и с отдельными регуляторными звеньями (см. табл. 1, 2). Что касается импульсивности, то, по нашим данным, такие связи носят опосредствованный характер и нуждаются в дополнительном исследовании [22].

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ И СПЕЦИФИКА ЛИЧНОСТНЫХ ЗАЩИТ

В предыдущем разделе рассматривались мотивационные тенденции, репрезентированные (пря-

мо или косвенно) сознанию субъекта, но мы отнюдь не всегда можем объяснить, что является побудителем нашей активности в еще большей степени, что препятствует ее регуляции. Всем знакома ситуация, когда, принимая решение сделать что-либо, человек далеко не всегда может этого добиться и даже не всегда может сделать необходимые шаги по пути к цели, пусть и осознанно запрограммированные им, испытывая при этом выраженное аффективное напряжение. Трудности реализации действий могут быть следствием внутриличностного конфликта, например неадекватности уровня притязаний объективным возможностям человека, или тем, что была выбрана цель, не соответствующая истинному актуальному на данный момент мотиву (это хорошо описано К. Леонгардом для личностей с истероидной акцентуацией). В нашу задачу не входит анализ таких ситуаций и причин их возникновения. Укажем лишь, что он был успешно проведен при исследовании волевых действий как способа преодоления подобных ситуаций путем их намеренного и осознанного переосмысления [9]. В нашем контексте важно учитывать, что при мотивационно-волевом конфликте снятие аффективного напряжения, препятствующего достижению цели, является результатом действия личностных защит, своими корнями уходящих в сферу бессознательного. Роль защитных механизмов — структурного компонента личности в саморегуляции, как известно, заключается в контроле взаимодействия человека с реальностью, ее эмоционального и когнитивного восприятия, оценки и отношения к ней [7, 32 и др.].

Процесс осознанной произвольной саморегуляции непосредственно не связан с формированием и действием защитных механизмов в силу их различной функциональной направленности. Если функциональная роль осознанной саморегуляции — это управление выдвижением и достижением осознанно принятой субъектом цели, то функциональная роль защит в психической регуляции — преодоление аффективного напряжения, возникающего в процессе регуляции, контроль взаимодействия субъекта с окружающим его миром в целях сохранения и поддержания позитивного самоотношения.

Итак, очевидна необходимость исследования неосознаваемого пласта в регуляции активности, к рассмотрению которого мы приходим, изучая личностный аспект произвольной саморегуляции.

В то же время эта проблема является абсолютно неизученной в эмпирическом плане. Такое положение связано, на наш взгляд, не только с методологическими и теоретическими, но в первую очередь с методическими трудностями исследования бессознательного. Поэтому выбор внутриличностных защит в качестве предмета рассмот-

рения в данном контексте определяется во многом и тем, что они (в отличие от большинства структур бессознательного) доступны наблюдению (при помощи соответствующих проективных методов) как проявления бессознательной сферы личностной организации, влияющие на индивидуальные особенности осознаваемой регуляции достижения целей. Кроме того, защитные механизмы – это динамические компоненты личностного содержания, что напрямую соотносится с процессуальными особенностями функционального аспекта саморегуляции.

Целью нашего эмпирического исследования было определение специфики проявления личностных защит в связи со структурой индивидуальных особенностей саморегуляции [21]. Предполагалось, что существует специфическое взаимодействие индивидуальных особенностей осознаваемой саморегуляции целедостижения и защит как неосознаваемых способов организации регуляции в ситуации внутриличностного конфликта.

Выборку составили 35 взрослых испытуемых, из которых 30 чел. здоровых и 5 чел. с диагнозом “пограничное личностное расстройство”. Батарею методик составили: опросник “Стиль саморегуляции поведения-98 (ССП-98)”; Тест встроенных фигур А. Уиткина и др.; Тест чернильных пятен Г. Роршаха; методика “Рисунок человека” и Тематический апперцептивный тест (ТАТ). Отсутствие методического инструментария для исследования бессознательного в соотношении с сознательно протекающими процессами обусловило необходимость разработки нами новых показателей для известных проективных методик, описывающих результаты качественного анализа материала проективных методов в количественной форме. В этом плане наше исследование явилось первым и стало проверкой возможности применения такого подхода. (Подробное описание показателей и собранных эмпирических данных см. в публикации [21].)

Для каждого случая и в целом по группе был проведен качественный и количественный анализ (корреляционный и кластерный анализ, сравнение средних) соотношения индивидуальных особенностей, характерных для различных типов индивидуальных профилей саморегуляции, со спецификой действия защитных механизмов и особенностей личностной структуры.

Получены результаты, позволяющие предполагать, что существует специфика в использовании (выраженности того или иного вида) внутриличностных защит в зависимости как от степени осознаваемой саморегуляции, так и от индивидуальной структуры регуляторного профиля.

Подтвердился полученный нами ранее результат: при наибольшей степени осознаваемой саморегуляции для испытуемых характерен высокий

уровень полнезависимости и когнитивной дифференцированности, в данном случае – в сочетании с высокими возможностями переструктурирования ситуации сообразно своим индивидуальным потребностям, которые можно рассматривать как предпосылку к ее переосмысливанию, что связано с возможностями волевой регуляции. Таким образом, получено еще одно эмпирическое подтверждение: автономность и способность к саморегуляции являются личностными предпосылками высокой субъектной активности.

В то же время при выраженности внутриличностной конфликтности у испытуемых с высокой степенью осознаваемой саморегуляции наблюдается использование способов личностных защит, причем с преобладанием более зрелых их видов (по классификации Е.Т. Соколовой) [32]. Наши исследования показали, что, если человек при высоком индивидуальном уровне саморегуляции прибегает к средствам интрапсихической защиты, скорее, всего, таковыми будут: *рационализация*, позволяющая находить при помощи интеллектуальных операций доводы в пользу самооправдания или дискредитации внешней ситуации, а также *изоляция*, при которой характерно отделение аффекта от интеллекта. При менее развитой общей саморегуляции у испытуемых наблюдаются: проявление ригидности, мешающей своевременно менять цели и способы их достижения соответственно требованиям реальной ситуации, механизмы идентификации (с сильным *другим*) и проекции (приписывание другим людям своих вытесненных чувств).

Произвольную регуляцию достижения цели можно, правда, лишь до известной степени рассматривать как последовательно разворачивающийся процесс выдвижения цели, анализа и моделирования значимых для ее достижения условий, программирования исполнительской активности и оценивания результатов. Согласно нашим данным, на каждой стадии этого процесса актуализируются разные способы личностных защит, т.е. специфика снятия эмоционального напряжения обнаруживается в зависимости от реализуемой функции саморегуляции.

Оказалось, что осознаваемая регуляция особенно уязвима, подвержена нарушениям со стороны бессознательного и личностных малоосознаваемых конфликтов на стадии выдвижения целей. В ситуации высокой степени личностной конфликтности и аффективной напряженности влиянию бессознательного наиболее подвержено звено планирования, что сказывается на снижении действенности осознаваемых целей. Это происходит за счет вытеснения и других примитивных защит, зачастую способствующих построению многочисленных нереалистичных планов. Полученные данные в то же время говорят о

разнонаправленном влиянии защит, которые отнюдь не всегда действуют негативно на регуляцию. Так, механизм сублимации при развитом планировании позволяет более детально воспринимать реальность и осознанно взаимодействовать с ней.

Процессы моделирования значимых условий получают личностную окрашенность благодаря особенностям восприятия субъектом реальности и механизмам зрелых личностных защит (в первую очередь, сублимации). Может ли субъект воспринимать объекты независимо от поля и свободно оперировать ими в представлении, воспринимает ли он реальность более рассудочно или эмоционально? Насколько он склонен не замечать то, что болезненно было бы увидеть, ограничиваться рамками сегодняшнего дня, не загадывать будущее, не оглядываться на прошлое и не прислушиваться к другим людям? Все эти особенности формирования представления об окружающей действительности влияют на процесс моделирования значимых условий ситуации в сознании субъекта.

Процесс программирования действий соотносится со способностью к тестированию реальности и отрицательно коррелирует с проявлением некоторых защитных механизмов – как зрелых, так и примитивных. Излишняя детальность и жесткость программ как некоторая избыточная осознанность может препятствовать снятию напряжения средствами личностных защит, указывать на существование внутриличностного паттерна “тирании долженствования” по А. Эллису [35] и приводить к невротизации. Процесс оценивания результата может подвергаться неблагоприятному воздействию ригидности как способа преодоления личностной тревожности, что отрицательно влияет на индивидуальный уровень саморегуляции в целом, мешает адекватно оценивать ситуацию и принимать решения о необходимых действиях. Снижение показателей регуляторной гибкости приводит к избеганию рефлексивной позиции и снятию напряжения путем выхода из проблемной ситуации.

Регуляторная самостоятельность связана с мерой зрелости Эго субъекта и его чувство ответственности. Наличие примитивных защитных механизмов свидетельствует не в пользу способности субъекта к самостоятельной регуляции. Использование же таких зрелых защит, как изоляция (отделение аффекта от интеллекта) и рационализация (поиск разумного оправдания своих неудач или уменьшения субъективной значимости недостигнутой цели), может быть свойственно субъекту с достаточно развитой самостоятельностью. Вообще, у такого субъекта преобладают способы защиты, позволяющие ему более эффективно “гасить” внутриличностные конфликты. В то же

время в целом можно полагать, что самостоятельный субъект, скорее всего, довольно редко пользуется защитами как средством разрешения конфликта, поскольку наличие связей с защитами прослеживается лишь на уровне тенденции.

Итак, рассматривая осознанную саморегуляцию произвольной активности целостной личности, можно полагать, что многие трудности произвольного регулирования лежат в сфере неосознаваемых субъектом установок, мотивов и отношений с окружающим миром. Бессознательное с его конфликтами и дисгармонией как часть личностной сферы не может не влиять на эффективность регуляции выдвижения и достижения принятой субъектом цели. По-видимому, если и говорить о структуре целостного процесса психической саморегуляции, то именно об относительной вовлеченности в регуляцию сознания и бессознательного. Тогда можно говорить о существовании сопряженности между сложившейся структурой индивидуальной стилевой саморегуляции и спецификой используемых субъектом личностных защит в целях сохранения и развития целостности, уникальности личности и успешного достижения ею жизненных целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие субъектно-деятельностного подхода к исследованию психики человека выдвигает на первый план проблему психологических механизмов саморегуляции – важнейшего системного субъектного качества. При исследовании индивидуальных проявлений саморегуляции, в свою очередь, встает проблема их личностных детерминант как своеобразных модуляторов индивидуальной активности субъекта в процессе выдвижения и организации достижения произвольно выбранных целей поведения.

Обобщая исследования личностных аспектов индивидуальных особенностей субъектной регуляции, отметим следующее. Активность субъекта опосредствуется целостной системой индивидуальной регуляции, которая, по существу, является проводником, связывающим и интегрирующим динамические и содержательные аспекты личности, осознанные и бессознательные ее структуры. Все психические средства, реализующие регуляцию целедостижения, могут и должны изучаться с точки зрения не только их взаимодействия, но и функциональной роли в осуществлении целостной регуляции. Наши исследования показали, что личностно-темпераментальные диспозиции определяют индивидуально-типические, стилевые способы регуляции целедостижения. Нами предложены методы их выявления и количественного описания. Индивидуально-типические способы саморегуляции наряду со специальными и общими способностями – это предпосылки формирования

множества индивидуальных стилей в конкретных видах учебной и профессиональной деятельности. Индивидуально-типические особенности саморегуляции, присущие человеку в силу его темперамента и характера, могут осознаваться субъектом активности; их проявление может изменяться от степени субъектной активности в процессе достижения принятой цели. По существу, именно возможность изменения степени субъектной активности и преодоления на этой основе негативных для достижения цели особенностей саморегуляции – это и есть собственно сущностная характеристика человека как субъекта достижения цели. И здесь на первый план детерминантой таких изменений выступают не столько динамические, темпераментальные, сколько содержательные аспекты личности, в том числе потребностно-мотивационная сфера. Ее структура формируется в процессе жизнедеятельности, актуализируется при решении конкретной задачи в зависимости от ее личностной значимости и может модулировать как степень индивидуальной саморегуляции, так и регуляторный профиль. На этом пути возникает много интересных и нуждающихся в исследовании вопросов.

И в заключение отметим следующее. В наше время много говорится о кризисе в психологии, о необходимости смены исследовательских парадигм. На наш взгляд, для эффективного исследования такой сложной психической реальности, как субъектная активность человека, нужно переходить от противопоставления различных подходов к корректному использованию методов исследования, развитых в различных парадигмах. Результаты нашей работы показали, что с экстраверсией и нейротизмом, основательно изученными при факторном подходе к исследованию личностной сферы, вполне продуктивно можно работать в парадигме субъектного подхода. А результаты клинических проективных методов исследования бессознательного обогащают представления о целостном процессе саморегуляции, полученные количественными опросными методиками. Будущее – за методологической либерализацией как основой эмпирических исследований при понимании ограничений каждой из сложившихся в психологии парадигм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А., С.Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во “Академический проект”, 2000. С. 11–26.
2. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена “субъект” и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского,

- М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во “Академический проект”, 2000. С. 27–42.
3. Бодров В.А., Обознов А.А. Система психической регуляции стрессоустойчивости человека-оператора // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 4. С. 32–40.
4. Брушлинский А.В. Андеграунд диамата // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во “Академический проект”, 2000. С. 7–12.
5. Голиков Ю.Я., Костин А.Н. Особенности психической регуляции и классы проблемностей в сложной операторской деятельности // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 2. С. 3–16.
6. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986.
7. Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980.
8. Зинченко В.П., Гордон В.М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования. М., 1976. С. 82–127.
9. Иваницков В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1991.
10. Карпов А.В. Психология принятия управленческих решений. М., 1998.
11. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М., 1980.
12. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
13. Корнилова Т.В., Парамей Г.В., Ениколопов С.Н. Апробация методики А. Эдвардса “Список личностных предпочтений” на российских выборках // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 2. С. 142–151.
14. Крупнов А.И. Целостно-функциональный подход к изучению свойств личности // Системные исследования свойств личности. М., 1994. С. 9–23.
15. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М., 1984.
16. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
17. Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегулирования личности // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 121–127.
18. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 4. С. 26–35.
19. Моросанова В.И. Акцентуация характера и стиль саморегуляции у студентов // Вопросы психологии. 1997. № 6. С. 30–38.
20. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 1998.
21. Моросанова В.И., Агафонова А.О. Индивидуальные особенности саморегуляции и личностные защиты // Регуляция психических состояний / Под ред. А.О. Прохорова. Казань, 2001. Вып. 3.
22. Моросанова В.И., Зателепина Н.В. Структура мотивации и саморегуляции поведения человека //

- Социальная психология в периоды кризиса общества: Тез. докл. Всероссийской науч. конф. (Набережные Челны, 21–23 августа 2000 г.) / Под ред. В.В. Новикова, М.Г. Рогова, Г.С. Прыгина и С.П. Дырина. Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2000. С. 187–188.
23. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 118–127.
 24. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Диагностика и психологическая характеристика саморегуляции при экстраверсии и нейротизме: Учебно-методическое пособие для преподавателей психологии и студентов, школьных психологов и учителей. Набережные Челны: Изд-во Института управления, 2001.
 25. Моросанова В.И., Сагиев Р.Р. Диагностика индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции в учебной деятельности студентов // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 134–140.
 26. Моросанова В.И., Соколова Л.А. Опросный метод для диагностики осознанного уровня саморегулирования деятельности. Сообщение 1. О связи осознанного уровня саморегулирования с успешностью деятельности // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1989. № 2. С. 14–18.
 27. Моросанова В.И., Холопова Е.Н. Стиль саморегуляции и успешность предвыборной борьбы // Психологические аспекты социальной нестабильности. М., 1995. С. 110–120.
 28. Ойшанин Д.А. Предметное действие как информационный процесс // Вопросы психологии. 1970. № 3. С. 34–50.
 29. Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во "Академический проект", 2000.
 30. Русалов В.М. Модифицированный личностный опросник Айзенка. М., 1992.
 31. Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Изд-во "Академический проект", 2000. С. 184–202.
 32. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. М., 1980.
 33. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.
 34. Шапкин С.А., Дикая Л.Г. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации // Психол. журн. 1996. Т. 17. № 1. С. 19–34.
 35. Эллис А. Когнитивный элемент депрессии, которым несправедливо пренебрегают // Моск. психотерапевт. журнал. 1994. № 1. С. 7–47.
 36. The Scientific Study of Human Nature: Tribute to Hans J. Eysenck at Eighty / Ed. by H. Nyborg. Pergamon, 1997.
 37. Eysenck H.J., Eysenck M.W. Personality and individual differences: A natural science approach. N.Y.: Plenum. Perspective, 1985.

PERSONAL ASPECTS OF SELF-REGULATION OF HUMAN VOLUNTARY ACTIVITY

V. I. Morosanova

Dr. sci. (psychology), professor, head of laboratory, Psychological Institution of RAE, Moscow

The problem of individual peculiarities of regulation of human voluntary activity within the framework of subject of activity approach is considered. For the first time the results of empirical researches of individual peculiarities of regulation are generalized related to degree of extraversion and neurotism, structure of needs and motivational sphere as well as specificity of personal defences. It is shown that individual system of regulation has integrative role linking together dynamic and meaningful structures of subject's personal spheres and conscious and unconscious ones. Each personal sphere is viewed considering its functional role in the whole regulation process of human voluntary activity.

Key words: subject and personality, individual peculiarities of regulation, style of self-regulation, extraversion, neurotism, motivational tendencies, personal defences.